

Октябрь

Павел Крусанов

МЕРТВЫЙ ЯЗЫК

Алла Боссарт

ПРОВОДНИК

Дмитрий Бак

**СТО ПОЭТОВ
НАЧАЛА СТОЛЕТИЯ**

Павел Нерлер

**ОКОЛЬЦОВАННЫЙ
МАНДЕЛЬШТАМ**

6 2009

Федор ЕРМОШИН

Вне

О ФИЛЬМЕ ВАЛЕРИЯ ТОДОРОВСКОГО «СТИЛЯГИ»

Мы говорили по поводу «Стиляг» с подругой Асей, которую – для меня неожиданно – этот фильм очень впечатлил, она его приняла. Ей понравилась мысль о том, что с той стороны – серость, с этой – яркость, но это только костюмы. «А Польза – это Польза» (есть там героиня с таким именем, которая вне классификаций и типов). Фильм о том, как человек другой отторгается от среды. О том, что такое – быть «не как все». О том, что нужно быть собой, вне шаблонов – каких бы то ни было. По крайней мере так я понял Асины впечатления.

Это все верно, правильно. Ася – сама немножко «стиляга», или немножко Польза, во всяком случае, наверняка она нашла в этом фильме что-то очень себе близкое.

К моменту нашего разговора фильм я видел только кусками... Недавно посмотрел целиком. Меня «Стиляги» тронули. Всё узнаваемо, так или иначе, «испытано на собственной шкуре» – наверное, каждым молодым человеком или девушкой.

Кадров запоминающихся – целый букет. Если вспомнится один, тут же следом за ним другой возникает перед глазами, по джазовому принципу всплывающих нот и неоновых линий.

То, что Пользу играет Оксана Акиньшина, – точное попадание. Ее органика – дворовость, какая-то дерзкая красота – то ли хулиганки, то ли принцессы... Вообще все актеры играют по-настоящему и все на своем месте.

Кинотекст – очень насыщен ассоциациями. То же самое – музыкальный текст, сплетенный из песен и их отголосков. То ли «Восьмиклассница» зазвучала, то ли нет... Она самая! Или вдруг, в 50-е годы, когда происходит действие фильма, исполняется песня «17 лет» группы «Чайф». В песне – про воспоминания о молодости. А здесь герои сами молоды и поют про «сейчас», а не про «тогда»... Когда же один из героев говорит, что у стилиаги один шаг «от саксофона до ножа», это не только расхожая фраза тех лет, но и напоминание о песне «Машины времени», написанной в 90-е. Про друга, который играет блюз. Все эти отзвуки в фильме объединяют «стиляг» всех времен – маргиналов, изгоев, чуждых.

В этом – апогей воплощения любимой темы Валерия Тодоровского.

В его ранней картине «Любовь» (1991) – на мой взгляд, одном из лучших фильмов режиссера с молодым Е. Мироновым в главной роли – в сущности, тот же самый сюжетный расклад. Герой случайно «приотворяет дверь» в среду, будто бы закрытую для посторонних глаз. Знакомится с девушкой-еврейкой, влюбляется в нее. Она живет в трагичной противофазе действительности. Ее мир – маргинальный, поэтический, прекрасный и тайный. Герой хочет понять ее. Значит – принять ее невольное изгойство.

Еще один из сильных фильмов Тодоровского – который сейчас, правда, кажется несколько блеклым – «Страна глухих» (1998). Похожая история: маргинальная среда – и «нормальная» девушка, которая в конце фильма оглохла, тем самым – наконец обрела «слух», только иной.

Словом, за привычным и обыденным герои Тодоровского часто обнаруживают «другую страну». Когда Мэлс (героя «Стиляг» играет Антон Шагин) включает любимую музыку и, подергиваясь, пытается танцевать перед комсомолкой Катей (Евгения Брик), звук граммофона приглушен, неполновесен: она как раз «не слышит».

Но – каковы же идеалы в «Стилягах»? В ответе на этот вопрос есть определенные сложности. Мэлс (бывший комсомолец) вдохновляется «духом» стиляг, попав, по сути, в логово разврата. Кадры стиляжьего пиршества неожиданно напомнили мне эпизод из фильма «Летят журавли»: «буржуа», которые едят, пьют, поют, пляшут и сношаются, пока страна воюет. (Сравнение вызвано тем, что в «Стилягах» Сергей Гармаш играет фронтовика, отца Мэлса... И эта «военная» тема в фильме хоть и пунктирно, но задана.)

Понятно, что герои в фильме молодые да ранние, безбашенные. Однако «обжорство», упивство и разврат продемонстрированы Тодоровским не то чтобы сочувственно, но как-то безудержно, без рефлексий. Мол, так и надо. Мол, таковы идеалы героев, и вот мы их показываем...

Или, быть может, во мне внезапно заговорил «комсомолец»?

Однако для сегодняшнего кино в целом характерна некоторая потеря ориентиров и чувства меры. Непонимание того, как выстроить «идеал», рассказать про любовь, чтобы по пути не свалиться в пошлость и содом¹. Конечно, в «Стилягах» важно само протестное «но», которое звучит лейтмотивом в одном из песенных номеров. Человек-«но», который своим появлением взрывает серую действительность! Хорошо, взорвали. Но что показать взамен? Голые попы?

Тем не менее «Стиляги» – фильм умный. Эпизоды удивительной атмосферы, когда музыка полностью преображает реальность, хороши безусловно. У Мэлса, в отличие от ребят его компании, есть саксофон, из которого он пьет свое вдохновение. Мэлс, конечно, идеолог. Он не так однозначен, как средний «стиляга», и не считает всех не-стиляг «унылыми», «жлобами» и т.п. Кате-комсомолке он говорит: «Ты не лучше и не хуже, ты – другая».

В связи с этим ключевой эпизод – комсобрание, где Мэлса заставляют положить на стол комсомольский билет и осуждают за предательство как раз «высоких идеалов». И тут Тодоровский показывает другую сторону медали. Этот эпизод виртуозно сделан, очень многослоен (от знаменитой песни «Пинк Флойд» из альбома «The Wall» до «Наутилуса» в подтексте) – и в то же время какая стихийная мощь!!! Актриса Е. Брик сыграла комсомольскую проработчицу потрясающе убедительно.

В целом фильм решен чрезвычайно тонко, не наивно, не в лоб. Показаны все этапы пути героя-другого. Из фильма понятно, что два «полюса» – безудержность/рабство – это не вся сложность проблемы.

В конце концов у Пользы рождается ребенок – негритенок. Когда она сообщает Мэлсу, что ребенок не от него, он же в ответ: «Это мой ребенок», – это замечательно. Я, взрослый человек, чуть слезу не пустил. Чуть менее натурально, но тоже захватывающе – когда отец Мэлса принял малыша: «Он – наш!»

И вот – в прошлом такая неутомонная – Польза укладывает спать младенца и кричит Мэлсу, которому из Америки привезли саксофон: «Я же просила: «Потише!»»

Тодоровскому мало «биполярного мира» («серые» – «яркие»). Когда главный герой узнает, что никаких стиляг «в Америке нет», он сначала злится, а

1 В «9-й роте» как высшая точка единения, дружбы и братства показано, что ребята обкурились анаши и всей ротой воспользовались безотказностью девушки по имени Белоснежка. И это не для «реализма», не для «правды окопной»... Складывается впечатление, что выше таких «идеалов» прыгнуть не могут сами создатели фильма.

потом произносит: «Но мы же есть!»... Так наступает конец иллюзии, почти конец фильма. Однако и начало возмужалой жизни *вне* любых «категорий» и сект. Другие «другие» будут навлекать себе на голову приключения, веселиться и страдать, искать на волнах радио какой-нибудь очередной «город Нью-Йорк»...

В финале по Тверской бежит толпа молодых из двухтысячных, и среди них Мэлс и Польза из пятидесятых. Кино оказалось не только про юность, но и про зрелость. И новую юность, и новую зрелость. Про вечное взросление. Про движение рывками в свободу, про вечное возвращение на круги своя.

СТИЛЯГИ: ТРИ ВЗГЛЯДА

Фильм Валерия Тодоровского вызвал ожесточенную дискуссию в блогах и СМИ. «Молодая» аудитория разделилась: слышались высказывания как «в пользу стиляг», так и «за комсомольцев». Мы попросили Федора Ермошина собрать мнения о ленте «Стиляги» и идеологии легендарного молодежного движения писателей трех поколений – Александра Иличевского, Александра Снегирева и Александра Кабакова.

Человек всегда один и всегда против

А. Иличевский. Вообще «Стиляги» не являются фильмом – это скорее плакат или лента иллюстраций, но и такой жанр приемлем для просмотра...

– Ваши представления об эпохе совпали с тем, что вы увидели на экране?

– Я это время знаю по рассказам своего отца, а детям свойственно идеализировать хорошие воспоминания своих родителей, доводить их до абсолюта. Воспоминания родителей – это закваска для рая, они входят в мысли детства, развивают ваши собственные мечты. Реалии какие-то в фильме были узнаны, некоторые оказались новостью. Вообще я сторонник тотальной достоверности, и в этом смысле приметы порой для меня важнее сути, поскольку именно приметы, а не главный план действия, ответственны за приближение к правде...

– Возможно ли человеку нашей эпохи хотя бы частично «понять» и почувствовать атмосферу 50-х годов прошлого века?

– Вопрос сложный. Это – большая задача художника, и не мне судить о достоверности – она мне просто недоступна из-за даты моего рождения. О 1930-х годах, например, я все время думаю в том ключе, что вот они для меня вообще слабо представимы. Не чувствую я их кожей, как иногда чувствую, скажем, военное время. Быт репрессий я не могу представить, что-то не уместается в моем понимании... С 1950-ми, кажется, полегче, радостней.

– Как вы оцениваете героев фильма – как комсомольцев, так и стиляг?

– Мне симпатичен герой ленты, потому что это человек, который «вывернул себя наизнанку», пошел против имперской шерсти, и это мужество дорогого стоит. О симпатиях я бы не рассуждал в категориях приятия или неприятия. Среди комсомольцев своего детства я не видел истинных борцов (думаю, таковых не было и среди героев фильма), но видел много ханжей и прощелыг.

– Не кажется ли вам, что в фильме молодежное движение стиляг отождествляется с гламуром?

– У гламура и стиляг общее – только склонность к форме. У стиляг все-таки было нутряное желание отвалить из этой страны: энергия беглеца – очень плодотворная. Гламур никуда не хочет.

– Знакомо ли вам чувство «здесь все отвратительно, а там – все хорошо»?

– Нет, мне такое чувство незнакомо. Наверное, потому, что я довольно часто бывал и «там», и «здесь».

– Не является ли «западничество» для России миражом?

– Для меня очевидно, что центр цивилизации находится вне России. Это, можно сказать, географический факт. Следовательно, считаю, что «западничество» не мираж.

– Вас не смущает, что в фильме звучат песни других, более поздних эпох?

– Меня это раздражало в фильме. Большой связи между временами эти песни не выявляют. В наше время, кажется, нет и толики той оттепельной свободы духа.

– Насколько вам близки чувства главного героя: быть «чужим», отторгаемым средой?

– Это очень остросюжетное ощущение и прекрасное порой. Главное, чтобы оно было плодотворным. Человек вообще-то всегда один и всегда против.

– Сегодня у вас есть необходимость кому-либо (или чему-либо) противостоять?

– Необходимость противостоять неизбежна, пока есть граница между субъектом и миром.

В России слишком нервное отношение к Западу

А. Снегирев. Фильм «Стиляги» мне очень понравился. Впервые в России сделан качественный мюзикл с крепким сценарием, красивыми лицами и отличными музыкальными номерами. Это первое современное массовое российское кино про тех, кому не по душе власть.

– Насколько верно показана эпоха? Или это «сказка», к которой неприменимы критерии фактической правды?

– Конечно, это вариация на тему советских пятидесятых. Авторы ведь не воссоздавали время документально, они делали искусство... Вообще я считаю реальностью не только то, что останется запечатленным на фото, а еще и то, что происходит в умах, снах, воображении людей, живущих в данную эпоху. А значит, возможны допущения.

– Как вы полагаете, человек того времени узнал бы себя в героях фильма?

– Мои родители кое-что узнали. В «Стилягах» прекрасно показаны некоторые бытовые детали. Например, когда героиня О. Акиньшиной рисует на ногах чулочные швы, чтобы имитировать настоящие чулки. Или чемодан с необходимыми вещами перед дверью героя Л. Ярмольника, в любой момент ожидающего ареста... Конечно, в «Стилягах» эпоха трактуется вольно, без лишнего груза. Если копнуть поглубже, в реальной жизни «стиляг» было много драматичного: высылки из Москвы, сроки. Просто создатели фильма ставили задачу снять мюзикл, а не драму.

– «Стиляги» или «комсомольцы». Как вы себя определяете в этой системе координат?

– По фильму я – за стиль! Мне просто нравится выражение их лиц. Они – мирные философы тряпок, приносящие в жизнь свежий ветерок...

– Есть мнение, что так, как стильяги, сейчас одевается и мыслит почти каждый, на это работает целая индустрия гламура. Но идеология стильяг не имела ничего общего с «гламурностью». Нет ли подмены понятий в фильме?

– Все хорошее однажды становится индустрией. Рок тоже был музыкой маргиналов, а теперь отнесен к классике. А красиво одетых людей в Москве не так много: все в черном, мужики в каких-то одинаковых азиатских остроносых туфлях, бабы на дешевых шпильках... Яркости и смелости, а также вкуса в одежде до сих пор сильно не хватает.

– Не является ли западничество в широком смысле огромной (и очень русской) иллюзией?

– Запад в целом достиг высочайшего уровня культуры: бытовой, художественной, научной. Это – не иллюзия. В России излишне нервное отношение

к Западу. Хорошее надо заимствовать, плохое отсеивать. Китайцы спокойно копируют все западные достижения, не забывая о своей культуре, и живут себе хорошо. А мы рефлекслируем.

– *Насколько вам близко желание главных героев фильма активно противостоять? Как вы полагаете, в какой мере это ощущает ваше поколение?*

– Протест – это всегда хорошо, он взбадривает общество. Некоторым важно быть в оппозиции к любому порядку. С этим кредо можно спорить, но люди с подобными убеждениями необходимы. Человека, который не боится одеться так, что на него вся улица будет пялиться, можно считать героем. Позор для многих равен смерти... И если писателя все устраивает, о чем ему писать? Слава Богу, меня много чего не устраивает.

Сейчас другая жизнь, другой мир, другая эстетика

Александр Кабаков в своих произведениях воссоздает быт эпохи 50-х годов. «Младший брат стиляг» – так сам себя определяет прозаик. Он согласился рассказать о своем понимании этого молодежного движения.

А. Кабаков. Во-первых, надо помнить, что слово «стиляги» – оскорбительно, это слово из советского фельетона Д.Беляева в журнале «Крокодил». Поэтому сегодня называть «стилягами» чуваков и чувих начала 50-х – то же самое, что говорить о жертвах ГУЛага как о «врагах народа».

– *Вы являетесь «поздним» стилягой. Каковы были идеалы «старших»?*

– Никаких, кроме омерзения к окружающей действительности. На самом деле, люди, которые участвовали в молодежном движении, вошедшем в историю под именем «стиляг», – первые убежденные, глубокие диссиденты-западники. Их судьбы разошлись: кто-то умер, в основном, погубленный советской властью в те же 50-е, а кто-то выбился в люди. Сейчас среди бывших стиляг много почтенных деятелей культуры.

– *«Чувакам» и «чувихам» были свойственны ирония и цинизм?*

– Нет. Эти качества появились позднее, у многих шестидесятников и постшестидесятников. Стеб и ирония – разные вещи...

– *Не кажется ли вам наивной идеология, согласно которой «тут – все отвратительно, а там – все хорошо»?*

– По тем временам это не казалось наивным, это было действительно так. Просто жизнь изменилась.

– *Правомерно ли говорить о какой-то преемственности «старых» и «новых» молодежных течений, например, «стиляг» и представителей современных субкультур?*

– Нет. Сейчас другая жизнь, другой мир, другая эстетика. Конечно, можно, начиная со стиляг, проследить генеалогию той части молодежи, которая нынче собирается в ночных клубах и занимается в основном торговлей кокаином. Но это то же самое, что рассуждать о происхождении коровы от мастодонта. Вообще очевидцы истории, как правило, бывают недовольны тем, как эту историю видят последующие поколения. И, наверное, это естественно.

